

— Дарья Светаева —

ПОПАЛА. ВЛЮБИЛАСЬ. В ОБОИХ.

18+

Дарья Светаева

Попала. Влюбилась. В обоих

«Автор»

2026

Светаева Д.

Попала. Влюбилась. В обоих / Д. Светаева — «Автор», 2026

Ночной вызов, гроза, кювет — и вот я, ветфельдшер Саша Ветрова, стою не под Тверью, а под чужим лиловым небом. Рядом умирает дракон. Ну а я делаю то, что умею, — закатываю рукава. Зря. Потому что теперь весь их Совет знает: я — заклинательница, первая за двести лет. Единственная, кто видит нити пепельной хвори, что выжигает драконов изнутри. До Излома, когда Грань между мирами лопнет, — считанные недели. А у меня на руках: наглый дракончик, который зовёт меня «мамо», солнечный целитель, с которым спокойно и тепло, и черный командор, с которым страшно и живо. Он рычит «не подходи» — и тайком укрывает меня своим плащом. Совету нужна моя сила. Двоим — мое сердце. А мне впервые в жизни придется выбрать самой. Вот только за этот выбор, кажется, кто-то сгорит дотла. Как выбрать, когда с одним — как дома, а с другим — как в той грозе, из которой ты когда-то выпала? Осторожно: горячо. За слезы автор ответственности не несет. ХЭ — гарантирую.

© Светаева Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Саша	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Дарья Светаева

Попала. Влюбилась. В обоих

Глава 1. Саша

— Держи её за голову и молись, — велела я Петровичу.

Половина второго ночи, коровник под Осташковым, лампа под потолком мигает, как в дешёвом ужастике. Зорька смотрела на меня лиловым от боли глазом и явно жалела обо всех своих жизненных решениях.

Я её понимала. У меня после сегодняшнего дня список был не короче.

— Тихо, девочка. Тихо, — я прижалась щекой к горячему боку. — Всё сделаем. Ты рожай, а думать буду я, у меня это дежурная функция.

Телёнок шёл неправильно, ножка подвернулась. Двадцать минут я стояла по локоть там, где приличные люди не бывают, и уговаривала, тянула, дышала вместе с коровой. Петрович молился. Судя по результату — мы оба справились.

В два двадцать телёнок лежал на соломе, мокрый и возмущённый, а Зорька вылизывала его с таким видом, будто это лично её план и был.

— Сашка, — Петрович шмыгнул носом, — ты ж золотая. Может, самогончики?

— Петрович, мне за руль.

— Тогда молока. Банку. Две банки!

С банкой молока на пассажирском сиденье я и выехала на трассу. Дворники мотались туда-сюда, дождь лупил так, словно кто-то наверху опрокинул ведро и держал.

На светофоре в мёртвой деревне — зачем там светофор, загадка века — я глянула в телефон. Чат однокурсников, сорок сообщений. Фотографии. Кристина в белом платье. Игорь в бабочке. «Горько!»

Ах да. Сегодня же девятое.

Кольцо висело у меня на цепочке, под свитером. Его кольцо, которое он «пока заberi, Саш, чтоб не потерялось». Полгода назад забрал себя, а кольцо потеряться так и не смогло.

«Держись», — написала Дашка отдельным сообщением.

«Я на отёле была, — ответила я. — Телёнок. Три девятьсот, бычок».

«Ветрова. Ты вообще живая?»

Живая, подумала я. Просто у живых, говорят, бывает личная жизнь, а у меня — журнал вызовов.

Я бросила телефон на сиденье и тронулась.

Молния ударила через километр.

Не белая. Не жёлтая. Лиловая — глубокого, злого оттенка, как гематома на вторые сутки, — она встала поперёк трассы стеной, и я ещё успела подумать, что так молнии себя не ведут, что так вообще никто себя не ведёт...

А потом дороги не стало.

Не «занесло». Не «кювет». Дорога кончилась, как кончается плёнка в старом кино: щелчок — и вместо асфальта под колёсами оказалась пустота, а в пустоте, издеваясь, плавали два размытых пятна света.

Мы с машиной летели, и я орала. Не стыжусь: орала, как Зорька на схватках.

Удар. Темнота.

*****

Очнулась я от того, что в щёку тыкалось что-то мокрое и настырное. Трава. Я лежала щекой в траве, притом трава была не наша: жёсткая, с сизым отливом, и пахла почему-то мятой и железом.

— Так, Ветрова, — сказала я вслух, потому что собственный голос — лучшее успокоительное после наркоза. — Встаём по частям. Сначала руки.

Руки работали. Ноги тоже. Машина стояла в пяти метрах, уткнувшись мордой в валун, и выглядела получше меня: ни одной новой вмятины, только антенна дрожала.

А потом я подняла голову и поняла, что сотрясение у меня знатное.

Потому что лун было две. Одна нормальная, белая. Вторая — маленькая, лиловая, как виноградина. И висели они над холмами, которых между Осташковым и Тверью отродясь не водилось: чёрные, острые, в снежных шапках.

— Галлюцинация, — уверенно поставила я диагноз. — Классика. Сейчас полежим, и пройдёт.

И тут заорали.

Не человек. Звук был такой, что у меня завибрировали рёбра, а банка молока — уцелевшая, кстати, — задрезжала в машине. Так орут от боли. Уж что-что, а этот регистр я узнаю в любом исполнении: хоть кот, хоть корова, хоть...

Я перевалилась через гребень холма и забыла, как дышать.

Дракон.

Настоящий. Размером с сельский клуб. Чёрный настолько, что глаза соскальзывали, — только чешуя ловила лиловый лунный блик и отбрасывала его, как мокрый асфальт. Левое крыло вывернуто и распорото, от плеча до кончика, перепонка висела лохмотьями. А в боку, под крылом, торчало что-то вроде гарпуна — кривое, костяное, и вокруг раны по чешуе расползалась чернота. Не кровь. Кровь я видела всякую. Это была именно чернота: она ползла, как плесень в ускоренной съёмке, и там, где проходила, чешуя становилась серой. Пеплом.

Дракон повернул голову и посмотрел на меня.

Зрачок — вертикальный, во всю мою ладонь. В зрачке — я: маленькая, мокрая, со съехавшим хвостом на голове.

Колени вспомнили, что они желе. Сердце стучало где-то в ушах, часто и мелко, как у кролика на осмотре.

Беги, сказала умная часть меня. Это апекс-хищник размером с дом, и ему больно, а раненое животное опаснее здорового втрое, ты сама это первокурсникам рассказывала.

— Тихо, — сказала я вслух. Не ему. Себе. — Тихо.

Он умирал. Вот что было главное, и это отменяло всё остальное. Чернота ползла к груди, дыхание рвалось — с таким сиплым присвистом, будто мехи прохудились. Час, может, два. Потом эта дрянь доберётся до сердца, или что у них там.

Пациент есть пациент. Хоть хомяк, хоть боинг с зубами.

— Я сейчас подойду, — сообщила я, поднимая раскрытые ладони. Голос почти не дрожал, горжусь. — Медленно. Я не охотник. Я, видишь, вообще с банкой молока.

Дракон зарычал. Земля под подошвами загудела, по спине пробежали все мурашки, какие были в наличии, и заняли очередь по второму разу.

Я сделала шаг. Ещё один.

— Знаю, знаю. Больно, страшно, все врут. Мне тоже сегодня не подарок: у бывшего свадьба, у коровы двойня чуть не случилась, а теперь ещё ты. Так что давай без глупостей: ты не ешь фельдшера, фельдшер вытаскивает эту дрянь. По рукам? По лапам?

Говорить. Неважно что — важно как. Ровно, скучно, по слогам. Так я заговаривала зубы кавказским овчаркам и одному быку по кличке Наполеон.

Дракон следил за мной. Рычание стало ниже — уже не угроза. Жалоба.

Вблизи он оказался горячий, как печка, — жар шёл волнами даже через метр. Я положила ладонь на чешую у края раны.

И мир включил свет.

По-другому не скажу. Под моими пальцами — под чешуёй, под мясом — засветились нити. Серебристые, тонкие, живой узор, оплетающий всё тело; я видела их не глазами, а ладонями, но видела же! А вокруг гарпуна нити были не серебристые. Пепельные. Мёртвые. И серость эта пила соседние нити, перегрызала их одну за другой, как моль — свитер.

— Это ещё что за... — прошептала я.

Рука сама потянула — не за чешую, за нить. Как узелок из гривы выбираешь: аккуратно, с краю. Пепельная нить лопнула и осыпалась, а серебристая рядом задышала, налилась светом.

Дракон выдохнул. Длинно, со стоном, и опустил голову на траву.

Не знаю, сколько это длилось. Я тянула мёртвое, распутывала живое; пальцы жгло, в висках стучало, по спине тёк то ли дождь, то ли пот. Потом упёрлась в гарпун.

— Так. Это будем вынимать. На счёт три. Ты рычи, кусаться нельзя, — я упёрлась ногой ему в бок, взялась обеими руками. — Раз... два...

Выдернула на «два», конечно. Старый фельдшерский обман, работает даже на драконах.

Он заорал так, что с ближнего холма посыпались камни. Из раны плеснуло горячим, я зашвырнула костяную дрянь подальше, надавила ладонями, и нити под руками сами потянулись друг к другу — мне оставалось их только направлять, как швы. Сверху я всё-таки прошла капроном из укладки, стянув края раны, — просто чтобы держалось.

— Шовный материал рассчитан на лабрадора, — сообщила я пациенту, завязывая узел. — Так что не дёргайся, порвёшь — второй раз шить нечем.

Дракон дышал. Ровно. Присвист ушёл. Огромный глаз был в сантиметрах от моего лица, и в нём что-то происходило — зрачок ходил, ловил меня, отпускал и снова ловил, как будто дракон никак не мог решить главный вопрос своей жизни.

— Ну всё, всё, — я погладила его по надбровной дуге. Он позволил. — Жить будешь. С крылом завтра разберёмся, если галлюцинация не рассосётся...

Вспышка.

Меня отбросило горячим воздухом, а когда я проморгалась, дракона не было.

На примятой траве, там, где только что лежала туша размером с клуб, стоял на одном колене человек. Мужчина. Абсолютно, категорически голый, в разводах крови и пепла, и швы моим капроном шли у него через рёбра — чёрные, аккуратные, мои швы.

Он поднял голову. Глаза у него были те же. Вертикальный зрачок, расплавленное золото по краю.

Я не успела ни отступить, ни заорать. Он двигался как хищник даже полумёртвый: пальцы сомкнулись на моём запястье — горячие, будто я сунула руку в духовку.

— Кто тебя послал, заклинательница?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.